

Т.В. Ермакова

НАУЧНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ И.П. МИНАЕВА В НЕПАЛ

Статья посвящена раскрытию обстоятельств и анализу итогов посещения Непала в 1875 г. основоположником российской индологии И.П. Минаевым (1840–1890). Показано, что И.П. Минаев впервые открыл российскому читателю мир этой гималайской страны, пополнил своими коллекциями отечественные древлехранилища.

Ключевые слова: Непал, И.П. Минаев, буддизм, буддийские рукописи.

T.V. Ermakova

THE SCHOLARLY SIGNIFICANCE OF I.P. MINAYEV'S TRAVEL TO NEPAL

The article explicates the circumstances and the results of a trip to Nepal undertaken by a famous Russian indologist, I.P. Minayev, in 1875. The author demonstrates that I.P. Minayev (1840–1890) was the first professional indologist to reveal this Himalayan kingdom to the Russian public.

Keywords: Nepal, I.P. Minayev, Buddhism, Buddhist manuscripts.

Родоначальник Санкт-Петербургской буддологической школы И. П. Минаев (1840–1890) [Васильков 2009: 49–52] совершил три больших путешествия в Индию. Во время первого из них (1874–1875) он посетил Непал. Фактически Минаев был первым профессиональным востоковедом из России, который побывал в этом королевстве, находившемся под протекторатом британских властей с 1818 г. Целью этого посещения наряду с ознакомлением со страной было приобретение рукописей и заказ их копирования.

Первому путешествию ученого в Индию предшествовали неизбежные хлопоты и большая организационная работа. Существенные для восстановления исторической канвы сведения содержит переписка И. П. Минаева с А. Н. Веселовским¹. И. П. Минаев волновал вопрос о получении разрешения на поездку со стороны университетского начальства и о том, удастся ли получить финансирование. А. Н. Веселовский оказывал всяческое содействие этому предприятию, связывался с Советом Санкт-Петербургского университета и достиг успеха. В апреле 1874 г. он сообщил Минаеву, что получено разрешение на командировку и финансовое ее обеспечение в сумме 3464 руб. [Куликова 1977: 119].

Значительную организационную помощь И. П. Минаеву на подготовительном этапе путешествия оказало Русское географическое общество (РГО), действительным членом которого ученый был избран в 1871 г. Исторический интерес представляет аргументация В. П. Васильева, университетского наставника И. П. Минаева, в обосновании целей и задач этого путешествия. В заседании Отделения этнографии РГО от 17 января 1874 г. В. П. Васильев дал высокую оценку профессиональной индологической подготовке его ученика и запросил содействия. Отделение в принципе не возражало, но Васильеву предложили развернуто сформулировать аргументы в пользу поддержки И. П. Минаева, чтобы ходатайствовать перед Советом РГО. И он сформулировал актуальные темы и позицию относительно духовного наследия Индии, фактически предвосхитив линии дальнейшего развития отечественной индологии. Это признание индийского культурного

¹ Веселовский Александр Николаевич (1838–1906) — филолог, литературовед, профессор Санкт-Петербургского университета, академик (1881). Личный друг и коллега И. П. Минаева по работе в Санкт-Петербургском университете.

влияния (Индия не может быть чужда образованным народам); для России духовное влияние Индии особенно существенно, поскольку буддизм является религией части российских подданных [ИРГО 1874: 219].

В.П. Васильев настоятельно рекомендовал расширить маршрут путешествия и обязательно посетить Непал. Первоначально предполагалось, что И.П. Минаев сосредоточится на исследовании буддизма в Индии и на Цейлоне. Из Калькутты проедет в Бенарес и, вернувшись в Калькутту, морем вернется на родину, поскольку средств на удлинение маршрута не хватит. «На это только может он рассчитывать с имеющимися у него средствами. Но это значило бы почти то же, что быть в Риме и не видеть Папы! Быть так близко от Непала, в котором, кроме богатых памятников буддизма — не забудем, что Европа отсюда в первый раз получила буддийские книги на санскритском языке» [Там же: 93]. Указание В.П. Васильева на два существенных факта: буддийские санскритские памятники в Непале есть и о них знают в Европе — означает, что в России были осведомлены о поступлении рукописей из Непала. По всей вероятности, Васильев имел в виду результаты собирательских усилий многолетнего британского резидента при непальском дворе Б.Х. Ходжсона, который пополнил санскритскими рукописями из Непала европейские, прежде всего британские библиотеки.

О деятельности такой эпохальной для непаловедения фигуры, как Б.Х. Ходжсон, необходимо сказать несколько слов, поскольку его публикации были практически единственным для И.П. Минаева ориентиром и источником предварительной информации перед путешествием.

Б.Х. Ходжсон (1800–1894) получил образование в специальном учебном заведении — колледже Ост-Индской компании (Haileybury College). Образовательный профиль предлагал учебные дисциплины, направленные на получение знаний, необходимых для службы в колониях. В Хейлибери преподавали математику, право, политическую экономию, историю и языки Индии. Ходжсон окончил двухлетний курс в 1817 г. с золотой медалью первым в списке выпускников.

В 1824 г. началась его работа в Катманду, вскоре он продвинулся до статуса резидента Британии в Непале и прослужил до 1843 г.

Статус британского резидента в Непале предполагал сбор разнообразной информации о стране. Преимущественно она была направлена на решение страноведческих задач в практических целях: оценка политической обстановки, занятия и верования народонаселения, ресурсы и перспективы торговли.

Субъективным фактором, мотивировавшим Ходжсона на оформление получаемых сведений в виде публикаций, было высказанное им самим желание заниматься непальской проблематикой в научном плане. Именно поэтому он, хотя в его служебные обязанности не входило специальное исследование буддизма, приложил многолетние целенаправленные усилия к сбору и копированию рукописей, сохранивших буддийское письменное наследие. Первоначально он переправлял рукописи в Калькутту, в дальнейшем они поступали в крупнейшие древлехранилища Европы.

Признанный научный вклад был внесен Ходжсоном в обследование языков и письменностей Непала. С помощью приписанного к резидентству *пандита* (знатока санскритских письменных источников) он собрал значительную по объему коллекцию буддийских рукописей на пальмовых листьях и бумаге традиционной выделки. Самые старые из них датируются IX в. н.э. В европейском востоковедном сообществе информация Ходжсона об обнаружении в Непале памятников буддийского письменного наследия на санскрите произвела сенсацию: санскритский буддийский канон считался утраченным.

В общей сложности в период 1824–1845 гг. Ходжсон передал в различные научные центры и учреждения в Англии, Франции и в библиотеку Азиатского общества в Калькутте более трехсот рукописей, на многие годы ставших предметом специального палеографического обследования и изучения для профессиональных востоковедов-буддологов.

Уже по возвращении в Россию в обзорном очерке «Непал» И. П. Минаев упоминает о значении трудов Ходжсона в обследовании гималайского региона, в особенности долины Катманду. В описании географии Непала И. П. Минаев следует схеме соответствующих работ Ходжсона, а в части, посвященной этническому составу и антропологическим типам, прямо указывает на авторство Ходжсона, фактически пересказывая его. Этому есть объяснение: возможностей наблюдения у Ходжсона было несравненно больше [Минаев 1878].

Планируя индийское путешествие российского ученого, невозможно было обойти такой существенный вопрос, как получение разрешительных документов от британской администрации в Индии. Васильев обратился к РГО с просьбой о рекомендательных письмах И.П. Минаеву, и они были подготовлены [ИРГО 1874: 219]. Васильев в ходе обсуждения упомянул о том, что английским ученым известно о развитии изучения буддизма в России, и власти должны быть благосклонны к путешественнику [Там же: 94]. «Г. Минаев вследствие своего долговременного пребывания в Англии, которую после того посещал ежегодно, очень хорошо известен английским ориенталистам; все они очень хорошо знают, что он имеет в виду одну только науку, и потому могут поручиться за него, что Россия посылает в лице его не политического агента, а единственно честного труженика науки» [Там же].

Путешествие началось с посещения Англии. В течение двух недель И.П. Минаев побывал в Лондоне и Кембридже и получил около 30 рекомендательных писем [Куликова 1977: 119]. Уже в Индии начались хлопоты о пропуске в Непал, увенчавшиеся успехом.

Британские научные контакты, которые И.П. Минаев поддерживал со времени первых университетских стажировок, оказались фактором принципиальной важности в обеспечении успеха непальской части путешествия. Прежде всего, это братья Вильям и Дэниел Райты.

Британский арабист, сириолог и палеограф Вильям Райт (William Wright, 1830–1889) происходил из семьи колониального чиновника, служившего в Восточно-Индийской компании в районе, пограничном с Непалом. Образование он получил в Англии, специализируясь на изучении семитских языков. В дальнейшем В. Райт возглавлял кафедру арабского языка в университетском колледже в Лондоне (1855–1856) и Тринити-колледже в Дублине (1856–1861). С 1870 г. его научная деятельность связана с Кембриджским университетом, где в статусе профессора он до конца своих дней преподавал арабский язык.

Научные связи В. Райта с российскими востоковедами базировались на взаимном предоставлении письменных памятников из древлехранилищ Англии и России для исследования и опубликования. В. Райт пользовался в среде российских ученых значительным авторитетом и в 1876 г. был избран иностранным

членом-корреспондентом Академии наук по Историко-филологическому отделению (восточная словесность). Не исключено, что этому способствовал факт дарения В. Райтом пяти непальских рукописей Азиатскому музею. Его брат Дэниел Райт служил врачом в британском резидентстве в Непале и параллельно собирал рукописи, в дальнейшем поступавшие в Англию. Эту работу профессионально курировал Вильям Райт. С 1861 по 1870 гг. В. Райт работал в Отделе рукописей Британского музея, в котором бывали и российские востоковеды.

Письмо В. Райта к И.П. Минаеву 1873 г. из Кембриджа содержит прямое указание на интерес русского индолога к получению копий непальских рукописей при содействии Дэниела Райта. Так, В. Райт упоминает о полученном от И.П. Минаева списке рукописей, которые тому было желательно приобрести. Он намеревался переслать его брату и сообщить о результате [Ермакова 2017 (28): 71].

Таким образом, собирательская деятельность Д. Райта в 1870-х годах может быть охарактеризована как второй после Б. Ходжсона этап соприкосновения с рукописной культурой Непала.

Сохранившиеся в архиве И.П. Минаева письма, адресованные ему Д. Райтом, показывают, что тот был готов оказать всемерное содействие русскому путешественнику. Самым подробным образом он составил маршрут, которым нужно следовать, указал пункты ночлега, найма сменных носильщиков, упоминал о необходимости более теплой одежды [Ермакова 2017 (29): 99–104]. Современному человеку трудно даже представить, как выглядело путешествие по Непалу в XIX в. М.Ф. Альбедиль справедливо называет И.П. Минаева первопроходцем, вынужденным претерпевать трудности передвижения в сменном паланкине, а сейчас дорога на джипе от границы Непала до Катманду занимает несколько часов [Альбедиль 2016: 20–21]. Весь маршрут, обозначенный Д. Райтом, И.П. Минаев прошел, ориентируясь на его указания, поэтому практическая помощь резидентского врача оказалась очень полезной.

Предварительно налаженные контакты с Д. Райтом сыграли существенную роль в легализации статуса И.П. Минаева как путешественника. В архиве ученого сохранился документ на бланке британского резидентства в Непале за подписью резидента

С. Гирдлестона, удостоверяющий, что И.П. Минаев — русский путешественник, приехал к Д. Райту, и что все непальские официальные лица по предъявлении этого документа должны оказывать ему всемерное содействие [АВ ИВР РАН. Ф. 39. Оп. 2. Ед. хр. 70]. Насколько подобная охранная грамота была необходима, сам И.П. Минаев написал в очерке «В Непале»: «Если европеец едет туда сам по себе, не гостем английского резидента, — кроме разрешения ему нужно иметь паспорт. Приехав таким образом в Непал, нелегко ему найти себе жилище в долине, <...> все бывшие в Непале приезжали гостями или резидента, или его помощника» [Минаев 1875: 299].

Важнейший аспект содействия со стороны Д. Райта — это обеспечение задачи сбора и копирования рукописей. Нужно иметь в виду, что И.П. Минаев прибыл в Непал в разгар собирательской активности Д. Райта в пользу европейских древлехранилищ, и сам факт помощи русскому ученому обуславливался исключительно заинтересованностью Вильяма Райта в поддержании профессиональных контактов с востоковедами и обеспечении доступа к рукописям, хранящимся в России.

Из содержания писем явствует, что Д. Райт заказывал изготовление копий с необходимых И.П. Минаеву рукописей, организовывал копирование и доставку их ученому, когда тот уже уехал из Катманду и находился в Бенаресе.

Дэниел Райт не был профессиональным востоковедом, и его собственная собирательская деятельность в значительной степени направлялась его братом Вильямом, сириологом, профессором Кембриджского университета.

При поддержке и консультациях брата в издательстве Кембриджского университета был опубликован перевод на английский язык одной из непальских хроник (Ваншавали), подготовленный традиционными учеными и с введением авторства Д. Райта [Wright 1877].

Это обзорный страноведческий очерк той части Непала, которая была доступна для посещения европейцам, краткая характеристика политической истории Непала и взаимодействия непальского двора XIX в. с британской администрацией, список транслитерированных названий собранных рукописей.

Д. Райт следующим образом характеризует статус британского резидентства в Непале в 1870-х годов: в отличие от территорий

Британской Индии непальское резидентство исполняло только дипломатические функции, типологически сходные с консульскими службами Британии в европейских странах. Обмен визитами премьер-министра Непала и резидента осуществлялся два раза в год, носил исключительно церемониальный характер. Европейцы могли передвигаться только в сопровождении непальской охраны, что, как пишет Райт, сильно затрудняло непосредственное получение страноведческой информации [Wright 1877: 71–73].

Название «История Непала» эта работа получила по основному разделу — подготовленному представителями традиционной учености переводу на английский язык хроники непальских династий Ваншавали (Vansavali) по рукописи на невари и санскрите из коллекции Коуэлла (Cowell).

Упомянутые в письме Д. Райта “Munshī” и “Pandit” — это Шанкер Сингх (Shew Shunker Singh) — переводчик с местных языков, нанятый в британское резидентство в Катманду, проживавший в Непале в течение тридцати лет, и Пандит Шри Гунананд (Srhi Gunanand), просвещенный непалец из Патана, из семьи составителей истории Непала [Wright 1877: V].

Рукопись Ваншавали (историческая генеалогия царей Непала) была переведена ими по инициативе Д. Райта на английский язык. Перевод вместе с очерком Непала авторства Д. Райта, списком добытых им рукописей и иллюстрациями составил монографию, опубликованную в Кембридже в 1877 г. [Wright 1877]. Очерк Д. Райта о Непале был ранее опубликован им в Калькутте в качестве самостоятельного произведения [Wright 1873], и нельзя исключить, что И. П. Минаев мог ознакомиться с ним перед поездкой в Непал. Во всяком случае, посланный И. П. Минаевым из Бенареса для публикации в России очерк «В Непале. Из путевых заметок» [Минаев 1875] частично пересекается с очерком Д. Райта (в описании дороги, в приведенных страноведческих сведениях).

В дальнейшем И. П. Минаев опубликует довольно сдержанную рецензию на публикацию перевода «Истории Непала» с очерком Д. Райта, критически отметив неточности, отсутствие опоры на научную литературу о Непале, неоправданно негативную оценку Д. Райтом этнопсихологических черт непальцев [Минаев 1878 (рец.)]. Перевод, подготовленный непальцами, тоже подвергнут критике [Там же].

Таким образом, налаженные контакты с братьями Райт в значительной степени способствовали И.П. Минаеву в реализации задач непальской части путешествия. При этом нельзя не отметить, что имелись и линии конкурирования с британцами, особенно в части собирания рукописей.

Остановимся подробнее на содержании работ И.П. Минаева о Непале.

Первая по времени публикация И.П. Минаева о его путешествии в Непал — очерк «В Непале. Из путевых заметок» [Минаев 1875: 297–318]. Присланный в «Вестник Европы» из Бенареса, т. е. «по свежим следам», очерк действительно написан в жанре путевых заметок. Он содержит сведения о маршруте, которым можно было из Индии попасть в Непал, о правовых особенностях пребывания европейцев, бытовых сложностях. Впервые российскому читателю сообщалось об архитектуре, религиозной жизни, политическом устройстве, антропологических типах представителей гималайских этносов. Живо написанный очерк был полезным для удовлетворения любознательности читателя, а для планирующих путешествие — бесценным наставлением, как добраться, что можно увидеть интересного, какие ограничения для европейцев и как действовать практически. В то же время очерк отразил подход автора к тому, что нужно пронаблюдать. По широте тематического охвата это комплексное страноведческое описание Непала, которое было предпринято И.П. Минаевым впервые в российском востоковедении.

Под названием «Непал» тот же очерк в расширенном виде позднее был опубликован в составе двухтомника «Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского» [Минаев 1878: 251–284]. В отличие от журнальной публикации, рассчитанной на широкую образованную аудиторию, «Непал» содержит разделы, характеризующие И.П. Минаева не только как наблюдательного путешественника, но как индолога-историка и религиоведа. Прежде всего, это воспроизведение истории Непала с опорой на письменные памятники (Ваншавали — «царские родословные»). Невысоко оценивая их как исторические источники, И.П. Минаев указал, что это единственные письменные свидетельства истории Непала, изначально созданные на языке невари. Сообщение о том, что в Катманду ему удалось достать два списка — более подробный, созданный буддистом, и более краткий, написанный

индуистом, — существенно для понимания круга собирательских интересов ученого [Там же: 237]. Напомним, что именно по поводу «царских родословных» Д. Райт и И.П. Минаев невольно стали конкурировать.

Историко-научную ценность представляет религиоведческая концепция непальского буддизма, исходя из которой И.П. Минаев обобщил свои наблюдения. Преимущественным фактором историко-культурной уникальности религиозной ситуации в Непале ученый считал исторический: смена династий («каждая со своими богами и со своими служителями» [Там же: 250]) и межэтнические контакты. Интересуясь региональными формами буддизма, И.П. Минаев провел сопоставление практики буддизма на Цейлоне (с которой он подробно ознакомился в ту же поездку) и в Непале и пришел к выводу о существенных различиях [Там же: 251–252]. Второй фактор, выявленный И.П. Минаевым, — взаимодействие буддизма и индуизма: «Внешние политические обстоятельства и самый народный характер способствовали развитию той религии, которая существует теперь в Непале; странная смесь брахманизма и буддизма, высоких идей и грубого идолослужения» [Там же: 253].

Таким образом, в небольших по объему работах, обобщивших результаты пребывания в Непале, И.П. Минаев впервые открыл Непал для российского читателя, заложил основы своего подхода к исследованию явлений религиозной жизни, который послужил фундаментом для дальнейшего развития российской буддологии.

Другим аспектом научного значения путешествия И.П. Минаева в Непал является его собирательская работа. В результате целенаправленных усилий, в том числе по налаживанию контактов в центрах хранения и переписки рукописей, ученому из трех его путешествий удалось привезти в Россию значительную по объему (ок. 300 штук) коллекцию рукописей на языках Южной и Юго-Восточной Азии [Миронов 1918]. В последние годы жизни И.П. Минаев предпринял публикацию некоторой части именно непальских рукописей в Записках Восточного отдела Русского археологического общества (ЗВОРАО). В этих публикациях прямо указано, что данная рукопись — собственность издателя и вывезена им из Катманду. Это современные копии, иногда содержащие ошибки, которые И.П. Минаев объяснял тем, что в Непале санскритом в совершенстве не владели. По структуре — введение,

публикуемый текст, перевод, комментарий — минаевские публикации представляют собой первые опыты комплексного подхода к введению письменных памятников в научный оборот. В некоторых случаях собственная рукопись, вывезенная из Катманду, сличалась И.П. Минаевым с аналогами из европейских библиотек. Это небольшие по объему произведения, в содержательном аспекте представляющие экзегезу базовых доктринальных принципов буддизма: это разъяснение четырех благородных истин под названием «Буддийский символ веры» [Минаев 1886], два гимна к Авалокитешваре (авторское название публикации «Буддийские молитвы») [Минаев 1888]. Именно во введении к этой публикации Минаев делает замечание о доступных ему образцах рукописной культуры Непала: «Все списки, которые нам приходилось видеть, а частью и приобрести, представляли санскритский текст в крайне испорченном виде. Некоторые из гимнов сопровождаются <...> неварским переводом» [Там же: 125]. Яркую страницу теоретического наследия ученого представляет публикация «Послания к ученику» Чандрагомина, в рамках которой Минаев рефлексировал на региональные факторы, обуславливающие особенности распространения буддийского мировоззрения [Минаев 1890: 29–52].

После кончины И.П. Минаева его собрание рукописей было передано в Императорскую публичную библиотеку в Петербурге (ныне — Российская национальная библиотека) и спустя долгое время в значительной степени каталогизировано Н.Д. Мироновым [Миронов 1918]. С.Ф. Ольденбург имел официально разрешенный доступ к коллекции и даже предпринял публикацию на основе трех рукописей непальского происхождения.

Профессиональный интерес С.Ф. Ольденбурга к коллекции И.П. Минаева подтверждается фактом публикации краткой заметки в журнале британского Азиатского общества. Публикация “Short Notice on Three Dated Nepalese MSS” [Oldenburg 1891: 687–688] демонстрирует устойчивость интереса С.Ф. Ольденбурга к проблематике непальских рукописей как исторических источников, дополняющих данные о хронологии правителей Непала. Если С. Бендалл [Bendall 1883] шел от хронологии правителей к датировке рукописей (по указанию в рукописи, при каком правителе она была написана), то Ольденбург предложил другой путь — с помощью датированных рукописей уточнять время

правления. Тот и другой подходы применялись в рамках традиционной непальской хронологии, которую исследователи соотносили с европейской системой летосчисления.

Источниковую базу этой публикации составили три рукописи из коллекции И.П. Минаева. Это «*Sekanirdeśarāñjikā*» автора Rāmarāla (комментарий на «*Saturmudrānvaṃ*» Нагарджуны). Примечательно, что рукопись, по описанию Ольденбурга, представляет собой копию на современной бумаге, сделанную с оригинала на пальмовых листьях [Oldenburg 1891: 687].

Вторая рукопись — «*Kriyāsaṃgrahaṃrāñjikā*» Куладатты — тоже современная копия. Ольденбург выдвинул предположение, что эта копия снята с оригинала на пальмовых листьях, хранящегося в библиотеке Бенгальского Азиатского общества. В связи с этой коллекцией он высказал критические соображения о каталоге собрания, подготовленном традиционным индийским ученым Р. Мишрой [Oldenburg 1891: 688].

Третья и последняя — «*Nāmasaṃgrahanighaṇṭu*» на пальмовых листьях. Ольденбург указал, что, по его предположению, кембриджские и указанные петербургские рукописи выполнены одним и тем же переписчиком — Шикшу Дживаибхадрой (*Śikṣu Jivayibhadra*), однако основания для этой гипотезы не сформулированы [Oldenburg 1891: 688].

Широкий страноведческий подход характеризует И.П. Минаева как востоковеда-путешественника. Не исключено, что в этом сказалось определенное влияние публикаций Б.Х. Ходжсона о Непале, упоминание о которых есть в очерке «Непал» [Минаев 1878: 232, 236]. В силу исторических причин эта сторона научного наследия И.П. Минаева оставалась вне зоны специального интереса исследователей вплоть до второй половины XX в. О Минаеве как этнографе и коллекционере впервые развернуто сказано в статье Б.Я. Волчок «И.П. Минаев как этнограф Индии» [Волчок 1967: 86–94], в которой характеризуется собрание этнографических артефактов, поступивших после кончины И.П. Минаева в МАЭ. Научную ценность этой коллекции придавало то, что как профессиональный индолог И.П. Минаев приобретал предметы, бывшие раритетами уже во время его путешествия [Там же: 93].

Как собиратель Минаев представлял собой оригинальный тип профессионала, который не имел цели собрать коллекцию по определенным научным критериям либо увековечить свое имя,

пополнив собрание специального музея. В публикациях ученого этнографические артефакты из его собрания не обследуются. Некоторое прояснение ситуации дают мемуары племянниц ученого¹, подготовленные в 1940-х годах. Описывая обстановку квартиры, где они все проживали, мемуаристки отмечают, что буддийские статуэтки и восточные ткани служили ее украшению. Однако, не располагая избытком свободных денег, И.П. Минаев не мог покупать много раритетов и коллекционером по своим интересам не был. «Со своими скромными средствами он, конечно, мог покупать очень немного и, хотя он совсем не был коллекционером, на всем, что он привез, был виден тонкий вкус знатока» [Шнейдер 2014: 440]. Это соображение было высказано в связи со вторым путешествием Минаева, но оно проливает свет на то, каким образом личность собирателя и его художественные предпочтения могли влиять на особенности и непальской части коллекции.

Ученый хотел и в Петербурге находиться в атмосфере его путешествий: «Все стены уставлены книгами и предметами буддийского культа! Очаровательными казались нам, да и были по существу, кашмирские ткани, индийские кисеи, правда, очень скромных размеров, привезенные им из первого путешествия по Индии, а иногда и подаренные ему как знатоку» [Там же: 434]. К сожалению, уже невозможно прояснить, что имелось в виду — дарение носителями культуры Индии или знакомыми в Петербурге, знающими о любви И.П. Минаева к восточным вещам.

В обзорном очерке о буддологическом наследии ученого М.Ф. Альбедиль указала на специфику подхода И.П. Минаева к явлениям буддийской культуры: наряду с исследованием и публикацией памятников буддийского письменного наследия обращать внимание на принципиальные стороны буддизма как живой религиозной системы — обрядность, объекты почитания, уклад буддийской общины [Альбедиль 2011: 207]. Этим и обуславливается состав предметов в коллекции: большинство из них использовались в ритуальных практиках либо были объектами почитания для носителей культуры [Там же: 209]. Образцы буддийской иконографии и мелкой пластики из коллекции И.П. Минаева, проанализированные М.Ф. Альбедиль в аспекте сюжетной осно-

¹ Варвара Петровна и Александра Петровна Шнейдер, дочери рано ушедшей из жизни родной сестры И.П. Минаева. Подробнее см.: [Мозохина 2011].

вы и материала, представляют все разнообразие буддийской художественной культуры.

Коллекция И.П. Минаева в МАЭ [Краснодембская 1983: 61–63; Альбедиль 2009: 13] представляет собой источниковый ресурс для исследования религиозной культуры Индии и Непала. Это продемонстрировано Я.В. Васильковым, предпринявшим исследование непальской иллюстрированной рукописи [Васильков 2014: 128–169]. В результате комплексного изучения всех аспектов предмета (материал, язык и содержание пояснительных подписей к рисункам, сюжет рисунков, поиск и анализ аналогов в других музейных собраниях) впервые было установлено, что этот иллюстрированный свиток — редкий образец неварской художественной традиции, наглядно представляющий сюжетные блоки «Лалитавистары».

На основании изложенного можно установить, что научное значение путешествия И.П. Минаева в Непал было по крайней мере трехаспектным. Российский читатель впервые из публикаций И.П. Минаева — высокопрофессионального индолога — узнал о природе, людях, истории, религиях и культуре удаленного азиатского королевства, рукописи и этнографические артефакты дополнили российские древлехранилища и представляют собой ценный источниковый ресурс для исследования непальской рукописной культуры XIX в. и культуры повседневности непальских этносов.

Список сокращений

ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ИРГО — Известия Русского географического общества
РГО — Русское географическое общество

Библиография

- Альбедиль М.Ф.* Индия на невских берегах // Санкт-Петербург — Индия. История и современность. СПб.: Европейский дом, 2009. С. 11–31.
- Альбедиль М.Ф.* Индийский буддизм в собрании Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН: коллекция И.П. Минаева // Буддийская культура. История, источниковедение, языковедение и искусство. Четвертые Доржиевские чтения. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 204–211.

- Альбедиль М.Ф.* Русские первопроходцы в запретном королевстве // Россия. XXI век. Консул. Россия — Непал. 2016. № 2(43). С. 20–22.
- Васильков Я.В.* Иван Павлович Минаев и петербургская индология // Санкт-Петербург — Индия. История и современность. СПб.: Европейский дом, 2009. С. 41–61.
- Васильков Я.В.* Неварский свиток с рисунками на темы «Лалитавистары» из коллекции И.П. Минаева в собрании МАЭ РАН: «одомашнивание» классической буддийской сутры // Зографский сборник. СПб.: МАЭ РАН, 2014. Вып. 4. С. 128–169.
- Волчок Б.Я.* И.П. Минаев как этнограф Индии // Иван Павлович Минаев. Сборник статей. М.: Наука-ГРВЛ, 1967. С. 86–94.
- Ермакова Т.В.* Письма британского востоковеда Вильяма Райта к И.П. Минаеву. Предисловие, перевод с английского и комментарии // Письменные памятники Востока. 2017. Т. 14, № 1 (28). С. 68–76.
- Ермакова Т.В.* Письма Дэниела Райта к И.П. Минаеву. Предисловие, подготовка к публикации, перевод с английского и примечания // Письменные памятники Востока. 2017. Т. 14, № 2 (29). С. 97–110.
- Известия Русского географического Общества. СПб., 1874. Т. X. Отд. 1.
- Краснодембская Н.Г.* От Львиного острова до Обители снегов. М.: Наука, 1983. 108 с.
- Куликова А.М.* Первое путешествие И.П. Минаева на Восток в его переписке с А.Н. Веселовским // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщения). М.: Наука, 1977. Ч. 1. С. 118–124.
- Мозохина Н.А.* Петербургские художницы немецкого происхождения сестры Варвара и Александра Шнейдер: штрихи к биографии // Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект / Отв. ред. Т.А. Шрадер. СПб.: МАЭ РАН, 2011. Вып. 6. С. 436–452.
- Минаев И.П.* Спасение по учению позднейших буддистов // ЗВОРАО. СПб., 1890. Т. IV. С. 153–228.
- Минаев И.П.* В Непале. Из путевых заметок // Вестник Европы. 1875. № 9. С. 297–318.
- Минаев И.П.* Непал и его история [рец. на]: History of Nepal, translated from the parbatiyā by Munshī Shew Shunker Singh and Pandit Shrī Gunānand: with introductory sketch of the country and people of Nepal by the editor Daniel Wright, M.A., M.D. late Surgeon-Major H.M.' Indian Medical servise, and residency Surgeon at Katmandu. Cambridge, Cambr. Univ. Press. 1877 // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. СХСV. 1878. № 1. С. 61–85.
- Минаев И.П.* Непал / Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского. Ч. 1–2. СПб.: Издание Л.Ф. Пантелеева, 1878. Ч. 1. С. 231–284.
- Минаев И.П.* Буддийский символ веры // ЗВОРАО. СПб., 1887. Т. I. С. 203–207.

- Минаев И. П.* Буддийские молитвы I // ЗВОРАО. СПб., 1888. Т. II. С. 125–136.
- Минаев И. П.* Буддийские молитвы II // ЗВОРАО. СПб., 1888. Т. II. С. 233–240.
- Минаев И. П.* Послание к ученику. Соч. Чандрагомина // ЗВОРАО. СПб., 1890. Т. IV. С. 29–53.
- Миронов Н. Д.* Каталог индийских рукописей Российской публичной библиотеки. Собрание И. П. Минаева и некоторые другие. Пг., 1918. Вып. I. 305 с. [Письмо Ch. Girdlestone] Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 39. Оп. 2. Ед. хр. 70. Л. 3 — 3 об.
- Шнейдер [В. П. и А. П.] Воспоминания о Минаеве Иване Павловиче. Предисловие, примечания, подготовка к публикации Т. В. Ермаковой // Розенберговский сборник: востоковедные исследования и материалы. СПб.: Издательство А. Голода, 2014. С. 431–449.
- Bendall C.* Catalogue of Buddhist Sanskrit Manuscripts in the University of Cambridge. Cambridge University Press, 1883.
- Oldenburg S.* Short Notice on Three Dated Nepalese MSS // The Journal of Royal Asiatic Society. Vol. 23. Is. 04, October 1891. P. 687–688.
- Wright D.* History of Nepal, translated from the parbatīyā by Munshī Shew Shunker Singh and Pandit Shri Gunānand: with introductory sketch of the country and people of Nepal by the editor Daniel Wright, M.A., M.D. late Surgeon-Major H.M.' Indian Medical service, and residency Surgeon at Katmandu. Cambridge: Camb. Univ. Press., 1877.
- Wright D.* Sketch of the Portion of the Country of Nepal, which is open to Europeans. Calcutta, 1873.